

2.1 Апология – образотворцу

Нуждается ли мастер, его произведения в какой – либо защите, оправдании пред веком нынешним, перед людьми в нём. Может ли образ самостоятельно, откровенно провозгласить о себе, раскрыть своё сокровенное... Сокрылся образ до времён благоприятных от внешних очей, от чуждых взоров, - сокрылся в утратах, в записях, под слоями штукатурки – растворился в небытии, удалился под спуд на долгие столетия. И вот – вновь проявил себя перед нашим достоинством, про-возгласил о себе к нашему нечувствию. Увы, провозглашение это так схоже теперь с неким нарушением предостережения от Господа Иисуса не давать святыни недостойным (псам), не метать бисера своего перед... Тяжкое сравнение напрашивается само собой в глубине осознания личной ущербности перед образной полнотой, личной утраты всяческой со-образованности с Первообразом, особенно явственной вблизи этих дивных монументальных, пространственных икон, - оправдаешься ли сам перед Господом ввиду их. Первое ощущение – непреодолимого сущностного разделения грешной твари со своим Творцом. Абсолютная апофатика – осязаемая и наглядная непознаваемость Бога, явившегося священным ужасом, не приемлемость Его для нас, не соответствие нас – Ему. Ослабевает, утихает это ощущение по мере прилежания, взглядывания в образ, согревается, умягчается успокаивающаяся во злобе душа... Так и пребывала бы душа в некоей упокоенности перед образом, перед памятью о нём, не встретить однажды, нет, не нападения вражьего, не лжи бесстыдной, не глумления бес-сердечного... но научно - приземистых рассуждений, «каноничных» трудов об открывшемся перед нами, отчётливо или отчасти – чуждых. От этих ли суждений усилимся защитить, оправдать образ.

Едва ли умыслена хула в произнесённых суждениях о мастере Феофане, о произведениях его мастерства... но о-земление, измельчение образа, низведение неба на землю ещё в традиционно русском литературном понимании есть ни что иное, как

пошлость, - о-пошление, о-земление, за-земление высоты... смешивание небес с землёю, пачкание неба нечистотою своих суждений о нём. Не занимаемся ли и мы подобным... Сложно судить о том взглядам пристрастным, - не отделаться от собственной приземлённости грехом, рассуждая о великом. Но говорим не только о себе, не только о личном не-со-гласии с распространившимися суждениями об образах Феофана, с внешними, от-странёнными временем и пространством - суждениями о личности мастера, о художественных про-изведениях этой личности перед Творцом. Само пространство суждений об образе, суждений о суждениях... слишком уж удалено от Первообраза – Бога, слишком вторично и от-делено от образа из-ображённого. Полемика о несущественном едва ли способна увлечь всерьёз и быть плодотворной. И всё же – отваживаемся на неё, не претендуя выйти победителем в словесной брани, не претендуя на некое достоинство этой победы и сколь-нибудь пользующие плоды её. Прости, Господи... Прости, отче Феофане. И всё же – рассудим, выражая личное, сугубо личное, погрузимся в полемическое бряцание словес.

Возможно ли, например, вослед за исследователями творчества Феофана, рассуждать о двух путях, как некоей расщеплённости сознания, видения, ведения мастера и раздвоенности его духовной жизни, движущейся образо-творческими проявлениями в различных противоречивых направлениях, разными путями... Разделял ли пути к Себе Бог – множество обителей, многолики члены Тела Христова, но едины и узки, тесны врата к Нему, Едина Истина, Путь и Жизнь, как не разделим Сам Христос. Но ползок путь и как нам не оступиться к погибели, помышляя о разветвлённости путей следования к Богу. Едва ли верно и уважительно к наследию мастера – помышлять нам подобное.

Помыслим ли и мы вослед за исследователями пред образами, сотворёнными Феофаном о различии путей духовного делания. Это яркое, устоявшееся научное мнение, основано на глубоком изучении и анализе образов Феофана Грека, которые по мнению исследователей, приписываются его авторству. К наследию Феофана на основании письменных свидетельств достоверно причисляются лишь фрески Спасо – Преображенского храма и, с некоторой долей обоснованности, со значительной долей вероятности, во многом на основании научных интуиций, – некоторые иконы. Итак, исследователями наследия мастера усматриваются два пути его духовной жизни, от-ображённых в его произведениях. Путь духовного аскетизма, - проявленный в монументальных фресках. Путь духовного созидательного очеловеченного, несколько оземлённого, приближенного к взыскательному эстетическому вкусу, мягкому восприятию духовного благолепия, – отобразённый в иконах. Сложно не согласиться с таковыми суждениями, сложно и принять их... Слишком отличны монументальные фрески Преображенского храма от прочих творений, приписываемых Феофану. Заметим при этом, что научные суждения, разделяющие духовные пути мастера, усиливаются средствами научной эстетики разделить, разъединить духовные пути не только в личности изографа, но и внутри Православия – разделить пути от земного к небесному: на путь аскетический, пустынный и путь имперский, сквозь мир земной, стоящий, – к миру Божьему – надлежащему нам. Эти пути, мнениями авторов против – поставляются, отделяются один от другого. Заметим некоторую близость подобных суждений давнему достаточно сомнительному, дискурсу к искусственному выявлению некоего разделения противоположных частей церкви: аскетической, пустынной и мирской. В традиции подобных

суждений - именно разделение естественного единства церкви, несущей в себе аскетику. Аскетика этими внешними суждениями – отделяется в удалённую пустыню, если не в духовную резервацию, то в совершенное отъединение, изъятие из торжествующей полноты церкви земной в отдельное, почти маргинальное, почти ино-родное духовное пространство. Не согласимся с подобными умерщвляющими разделениями. Понимаем аскетику, даже и в крайних формах, совсем не доступных нам, как естественную «кровеносную систему» церковного организма, наполняющую церковь жизненными токами, неотъемлемыми без выхолащивания Духа из жизни, без умерщвления церковного целого. Церковь – вмещает в себя аскетику, корни которой в прекрасной пустыне, прорастающей плодами духовного личного единения человека с Творцом. Аскетика деятельно оживотворяет, наполняет существенной плодоносной духовной жизнью уединённого человека – монаха или мирянина, православную семью, келейную молитву и самое величественное, великолепное имперское Богослужение.

Вот, мы произнесли здесь, отнюдь не от собственного уникального опыта, - суждения, как представляется, совершенно очевидные для церковного и верующего человека. Противоречат, противоборствуют эти суждения текстам научных разборов и заключений о фресковых образах Преображенского собора и прочем наследии мастера Феофана. Находим чуждые себе и чрезвычайно распространённые, «каноничные» научные мнения о разделении вариантов духовного пути человека в Церкви пред Богом. Разделение это во мнениях учёных чуть ли не онтологично. Особым видится путь, так сказать, приземистый, государственный, ориентированный на устройство земного существования. Совершенно иным, отличным – путь крайнего пустынного аскетизма. Словно бы расчленена церковь на части, шествующие отдельно: часть пустынную – аскетическую, воинствующую и часть земную, имперски торжествующую, обустроивающую ко спасению обстоющий нас мир. Каждый из путей – проявляет себя в свойственных образах – пустынно воинствующей церкви – в напряжённо экспрессивных, аскетических, от-решённых от мира образах... Церковь торжествующая, земная, - в образах мягких, тёплых, торжественно величественных и близких мирскому человеку, проводящему жизнь вне пустыни, в государстве, семье. Исследователи полагают возможным судить о личном отказе мастера Феофана от аскетического образотворчества, словно бы разуверился мастер в достижимости его плодов и устремился ко Господу торной дорогой мира сего. Но, не разделяя подобных суждений, станем ли отрицать различия проявлений образа: духоносной экспрессивности и духоносного покоя. Низведём ли эти проявления к оземлённому рассуждению о духовном развитии мастера и перемене его творческой манеры. Помыслим ли во след исследователям о различии способов творческого выражения, как следствии личного раз-уверения автора в плодах аскетизма... Противореча подобному, воспримем экспрессию и упокоение образных про-явлений, как чередующиеся вдох и выдох жизни Духа Святаго в личности мастера Феофана. Позволим себе воспринять эти проявления образотворчества, как по-следствия единого пути, различных его стадий. Допустим таковое, что духовная экспрессия, аскетическое духовное правило соборного делания в миру со-относится автором отнюдь не с пустыней, но с церковью имперской, государственной, земной, миро-устроительной, с воинствующей церковью, воображающейся во Христа, преодолевающей греховную повреждённость мира, отдельного - отделённого человека, и соборной личности Церкви - Тела Христова. Никак не замыкается духовное делание в личности уединённого молитвенника. Не только и не

столько на уединённую личность – настроена аскетическая живопись Преображенского храма. Единение много-образий перед Богом – вот видимый нами её адресат: во-образённая соборная личность. На экспрессию и танический труд этого во-ображения, на вспышку реализованности общего и личного делания в церкви земной, устремлённой ко вне-земному и пре-выше земному. Иконопись, о которой говорит учёный, более поздние творения мастера, - не соотносятся ли они, пусть в наших умозрениях, - не соотносятся ли с Царствием Небесным более, чем с имперским пространством. Если так, то не раздвоенность пути изографа – перед нами в его творениях, но единый путь и различные ступени восхождения от земного к небесному. В экспрессии Преображенского храма, быть может, мучительно – рождается христианин, рождается опалённая и вос-пламенённая светом соборная, во-церковлённая, во-образённая во Христа – личность. Рождается образно – во-площённый в человека Бог, многоликое тело Христово, несущее в себе Дух Самого Христа – Церковь Божья. Церковь – соборное тело и Христос, воплощённый и светоносно сияющий в нём. Вспышка, потрясение – внятное воспламенение – свидетельства этого рождения, пре-ображения несуществующего по-видимому – в существующее явственно перед нами и в самих нас – действия Духа Божиего. Пре-образённая личность – пробуждается, вос-крешается к бытию в новой жизни, во-ображаясь в иконном пространстве Спасо-Преображенского собора. Быть может, таковая преобразённая соборная во Христе личность рождалась и воскресала, обретала своё преобразование в самом мастере Феофане, мастер только свидетельствовал образами о личном рождении во Христа, личном облачении, об-личении в лик Христа. Во Христа крестившись – облекостесь, - так облакался образом во Христа сам Феофан и свидетельствовал об этом живым письмом, - только помыслим об этом. И что же далее на этом пути? Растворение во Христе, восприятие полноты Христовой в свои глубины. Далее – пребывание в личном и неотъемлемо соборном, тайнообразующем - созерцании полноты Божества. Пребывание до скончания земной жизни. Полнота про-явлена в благословляющей светоносной плави живописных слоёв позднейших творений мастера, в округлых благолепных классических формах проникновенных к нам образов. По-рождена душа в новую жизнь и созерцает, познавая, Христа в жизни новой, и созерцаема, познаваема Христом. От вос-создания во Христе, от облачения Христом – к устойчивому стоянию во Христе, когда уже нет со-мнений, потрясений, но неотступное во-образённое пребывание во Свете. Об этом ли личном опыте - свидетельствовал Феофан своими творениями. Внешние обуревания не приступят в сердечную глубь, в естество человека о-Боженного, воспринятого Христом, пребывающего во Христе. Во свете Твоем узрим Свет – и зрим Его во Христе, пребываем в Нём. Нет во Свете никакой тьмы. В созерцании явленного Света духовные очи – навикают к Нему и широко раскрываются. Нет падения на лице свое, нет отворачивания и смыкания глаз, болезнующих Светом. Хорошо нам здесь быть! – это уже естественное состояние – отражено - в иконных образах, приписанных авторству Феофана. Говорим сейчас вслед исследователям – об образах Донской Богоматери, об образах деисусного чина – огромных иконах Благовещенского собора Кремля. Здесь, в иконах, перед нами – про-явленное образами несомненное пребывание во славе Божьей, но отнюдь не свидетельства иного пути, отличного от аскетического, подвижнического, кропотливого возделывания и взлёта.

Выделяя аскетизм из жизни земной церкви в нечто существующее отдельно, отъединяется аскетический образ фресок Преображенского храма – от естественной жизни

церкви, от насущного, надлежащего нам значения, - выноситься или воз-носиться – удаляется от близости нам. Выдворяется в чуждое пространство... Не воспримем подобного, ощущая искусственность и лживость этого разделения, невозможность этого удаления от естественной близости, разрешающейся со-причастностью к Богу.

Повторимся вновь и вновь: не удалена, не отделена, более того, неотделима Пустыня от Империи – так полемизируем с авторами суждений о различении путей, проявленных в образах Феофана. Так же Империя - не отделена от Пустыни. Пустыня – воспримем её так – аскетический взрыв, личное рождение и проникновение в Бога, в новую жизнь, проникание Бога – в личность, собирание личности Тела Христа из уединённых частиц. Вертикаль небесного и земного, видимого и невидимого миров, аскетичного и мироустроительного, охранительного и ойкуменичного – взаимно прорастают в единстве друг – друга и составляют незыблительный становой хребет, духовную основу, остов существования Империи. Отнять этот остов, повредить его, изъять живого Христа из сердца имперского состояния мира пред Богом... Изъять, умертвить Христа, как основание и Цель существования, предстояния перед Богом Империи на тварной земле... Подменить Христа земной обманкой, образом некоего земного «наместника»... - и рухнет это тщетное человеческое устройство, скудельный плод немощных рук. Расползётся, измельчает, распадётся на составы и части или же пере-образится в нечто противоположное Христу. Применим здесь термин из иных областей мысли, – в империю зла. Погубленное, лишённое Христа - умерщвлённое тело Империи пере-образит земное устройство – в служение противящихся Спасителю. Не отделена живая Империя от Пустыни. Не разделены Нил Сорский и Иосиф Волоцкий в духоносной полноте Святой Руси, но дополняют, восполняют, укрепляют друг – друга в едином целеполагании, в со-гласном, симфоничном действовании. Не делимы у мастера Феофана творческая аскетика и эстетическое, любовное ко Христу созерцание образа. Повторим, как некое резюме своего личного мнения. На единой лестнице восхождения к Богу – эти последующие во времени образы – про-изведения, как развитие одних – другими – развитие монументальных аскетических форм – в образах созерцания Превечного Бога. Единого пути – разные ступени восхождения, - тако помышляем теперь.

Заметим ли, что всяческие мнения о путях духовного делания перед образами Феофана – есть плоды нашего личного отношения, мировоззренческого выбора. Рассуждая об образе, исследователь отделяет себя, высвобождает себя от чуждого, отторгает от себя отчуждённое в творческих произведениях мастера. Не можем отстраниться от такого помышления об исследователях: виною ли тому личные пристрастия, определяющие ход научной мысли, - но в исследованиях гораздо большее место уделяется тому, что ближе, созвучнее... преобладает любование в иконах - тем, что лично – симпатичнее учёному. Конечно же, и о себе замечу это вполне верно: не свободен пишущий эти строки от личного, при-страстного взгляда на образ.

Но продолжим свою профанную полемику с высказавшимся и безответным теперь со-беседником – учёным исследователем. Более поздние творческие проявления мастера Феофана вписываются учёным в своё личное понимание имперского пути и оказываются близкими исследователю, как образы, указующие путь к Богу сквозь мир и в мире. Путь исихазма, быть может лично чуждый исследователю, называется неким иным путём и отторгается от пути в мире, от пути имперского. Наше мнение несколько противоположное,

тоже будет следствием нашего выбора, следствием нашего мировоззренческого состояния. Даже и в умозрительном разделении пути духовного делания мы ощущаем неким искусственным навязыванием мастеру Феофану чуждых суждений о нём, о его творчестве. Мастер Феофан существует своими творениями вне наших суждений. Иконы мастера, дошедшие нам, созданы позже рассматриваемых теерь фресок, и можно бы говорить о том, что они – некое следствие, свидетельство дальнейшего развития, возрастания мастера Феофана, свидетельство следующей творческой ступени его духовного пути деятельного восшествия ко Христу. Уже ли свидетельствуют они о перемещении на путь иной, удаляющийся от аскетических вдохновений? Рассуждения об этом достаточно принципиальны мировоззренчески. Отверг ли Феофан исихазм? Отверг ли световедение, световидение и деятельное образотворческое световоплощение, как метод, как основанисвоих творений, своих про-изведений. Отвержен ли, исторгнут ли исихазм империей, противопоставлен ли ей? Рассуждая об этом, едва ли поймём, но скорее восчувствуем – и вос-примем: никак – не отвержен, более того, становится не только официально признанным, соборне оправданным и вмещённым церковной полнотой, духовным обоснованием, сокровенной тишиной, в которой собственно проистекает жизнь станового хребта империи. Полнотою Церкви – отвергнут скепсис учёных Варлаамитов. Святой Григорий Палама – признан, принят, более того, - епископствует в Фессалониках. Изограф Феофан – знаменует образы аскезы новгородским мирянам - ильинским уличанам на торговой стороне. Да, волны мирских обстоятельств изрядно корёжат стройную, идеальную структуру могучего имперского тела, сияются исказить, излукавить несущий становой хребет аскезы, внутри которой востекают к Богу духовные токи, молитвенной тишиной воспринятые и вознесённые. Духовные токи симфонии неба и земли, милостивых благословений Творца и встречных облагодатствованных произволений, молитвенных восклицаний, деятельных устремлений от земли. Так создается вертикаль взаимонаправленных воль свободной твари и ничем не ограниченного Творца, взаимообусловленная, стойкая, как незыблемый столп, укоренённый и в земле, и в небе. Так про-истекает – деятельная духовная жизнь, вокруг которой созиждется внешнее, обрамляющее, видимое великолепное облачение имперских обличий. Если исихазм не отвергнут империей, церковной полнотой воспринят и усвоен, – станем ли помышлять об отвержении мастером Феофаном исихазма, как духовной основы своего личного творческого делания, станем ли фантазировать о некоем творческом бунтарстве художника, выкорчёвывающего в себе деятельную аскетику, отвергающего её, как путь, чуждый миру, как иной, без-результатный путь. Само наше помышление об этом стало бы хулой на мастера, попыткой оскотить, исчерпать, замутнить живоносные, цельбоносные истоки его плодов. Да не подвинемся на ползкое поприще подобных суждений.

Путь исихазма – сокровенная духовная жизнь, распахнутая перед нами её вспыхнувшим образами – слепящими, живительными. Образное проявление оживотворяющей встречи Бога и человека – может ли быть удалено от многогранной полноты существования церкви, изъято из целеполагания духовного делания. Дух мирен, к стяжанию Которого устремляемся – отличен ли от жгучего света на Фаворе. Вы – боги... - глаголет Дух Святой Псалмопевцу, глаголет и Спаситель пред иудеями, взявшими камень, чтобы побить Его. Торжествует в Иисусе ветхозаветное знание о светоносном Богосыновстве в человеках. Бог вочеловечился, чтобы человек стал богом по благодати – так проясняют святые отцы. Во Свете Твоем узрим Свет – обнадёживаемся за

Богослужением, усиливаясь ко стяжанию Света во откровение языков и во славу людей – Твоих, Господи... Свет, светоносные про-явления, оживотворение нас светом... свет воскресения Христова перед нами, воскресения Христа в нас... Что без этого горящего, сиятельного, сущностного Света - Церковь, что она, как ни обиходное традиционное театрализованно-этническое, заунывное, обманное действие - без этих огненных языков, воистину незримо - пламенеющих нетленно над честными главами священно – служителей, апостольствующих перед нами. Не говорим о видимой тленности, о человеческой невосприимчивой помрачённости, осквернении образа Бога в Церкви, образа Бога в человеке, - но только о невидимом, но познаваемом через образ существе Бога. Что церковь, само спасение наше – что есть без этого горящего, горячего света, в котором опаляются, меркнут и исчезают незначимые нюансы в очертаниях видимого мира, а действенные проявления Бога перед нами - обретают рельефность особенных светоносных и едва притенённых, прикровенных форм. Может ли без этого огненного светонесущего существа – существовать православие. Свет, как свидетельство живости, живоносности... не умерло христианство, пока живет в нём свет – свет огненного языка над церковью. Пока свет Христов просвещает всех - во Истину, а не фигурально, не фигурой речи со значением непонятым, от-чуждённым от нас. Следствие действия света, проявления Божиего – полнота цветущей, духовно плодоносящей церкви. В наполненности этим светом – несказанное сияние церковной полноты. Естественная жизнь церкви – светоносное движение к Богу в сотворённом мире и через мир. Умозрительно и болезненно, противоестественно от-рицая в себе и в Церкви Свет Божественный, от-вергая от себя сущностное присутствие Света преображенского, фаворского, света Пятидесятницы – на некую недосыгаемую периферию... сохраним ли христианство в себе. Врата адавы – уста подобных суждений – не одолеют Церкви. Обнаружим ли в поздних творениях Феофана, не искажая самих себя, не прегрешая перед собою – обнаружим ли оскудение света аскезы, удаление светонесущей аскетике от церкви.

Пытаемся исчерпать затянувшуюся полемику с представляемыми «мельницами» научно приземистых суждений о том, что будто бы и сам Феофан пребывал на личном распутье меж различными путями духовного выбора. Путь паламисткого – уединения в образах Феофана пролегал непосредственно в міру, исходя за его видимые пределы. Образами монументальных фресок – свидетельствует мастер непосредственно в міру свдетельствует, как осуществимо духовное уединение, отстранённость от границ этого міра, выход из ограниченности не только родовых, национальных, семейных уз, но имперской, монастырской, киношной обусловленности - в совершенную уединённость скитских пустынных созерцаний, когда очи молитвенника сосредотачиваются исключительно на своём духовном взоре, устремлённом в глубины личного созерцания, в глубины своего сердца, из которых пробуждается голос проникающего в них Бога. Опять же, почти уж «затёртая» и неизменно точная мысль Достоевского – о глубине сердечной, как поле боя внутри человека. Где уединено это сердце, где грохочет эта брань, - в пустыне ли внешней сердцу, в чуждой ли городской толчее, - так ли уж это важно теперь, - судим очень сомнительно. Подвижник и в міру и в пустыне – воитель сокровенной брани, невидимой извне. Казалось бы, какое имеет отношение к живописи, предназначенной для людей, для ближних, более того, - для мірян в одном из самых крупных храмов Новгорода на торговой стороне. Живопись предельно аскетична, преисполнена эстетикой пограничных духовных состояний, следствием духовной практики взаимного приникания

Бога и человека. А храм Преображения расположен отнюдь не в монастыре, но на улице, населённой уличанами – обычными жителями, приходящими сюда на рядовые и праздничные Богослужения, на воскресные службы... Этот храм не для уединённой монашеской молитвы, впрочем, как и литургия – не есть делание сугубо уединённое, но общее дело. Причудливо, таинственно сочетаются за Богослужением личное и соборное, молитвенный голос отдельного человека, произносимый языком соборного мистического тела Христа. Так вот возможно ли без извращения истины говорить о раскрывающейся перед нами живописи, как произведении, ориентированном исключительно на одного, персонально молящегося человека. Живопись храма окружает и словно бы вмещает в себя со-общество молящихся, повторимся, молящихся мирян, оторвавшихся от мирских забот. Аскетическая живопись – настраивает мир на единение и общность к вос-приятию святых Хтистовых Таин, на совершение общего делания. И только так. Вместе с тем, живописный образ создан мастером на основании сугубо личного молитвенного опыта в общем делании, наполняется плодами личного Богообщения и звучит, как некая возлюбленная «дудка Божья» - уже для всех. Личный опыт живого светоносного Богообщения, несомненно глубоко пережитый Феофаном, запечатлён, засвидетельствован живописным образом – и откровенно - пронизывает каждого уединённого в соборности человека. Такова задача, форма, таковы изобразительные средства раскрытого образом архи-тектонического пространства Богослужения... Таков метод и смысл монументальной живописи, настроенной на собрание молящихся людей. Живопись – обрамляет человеческий собор, включает его внутрь образного иконного пространства и изнутри этого пространства, настроенного, словно бы живой живописный орган, внешне организует глубоко внутренние, персонально текущие духовные движения, устремления и созвучающие мотивы каждого отдельного человека в со-обществе молящихся к вос-приятию Христа.